

Нынешний Цзян Есюэ — если его вообще можно так назвать — помнит ли он еще Мужун Чуи?

Никто не знает.

Но старик полагает, что нет. Ведь, как тот и говорил, прежний Цзян Есюэ всё отпустил, а нынешний не имеет с ними ничего общего.

Возможно, Цзян Есюэ заботят лишь мысли того, прежнего Цзян Есюэ, он хочет постичь всё, что было в его душе. Иначе говоря, он хочет понять, о чем тот думал и каким сложным человеком был на самом деле.

Времена меняются, жизнь летит стремительно.

Город Пяти Ночей.

— Эй, слышали? Те двое приезжих, что приехали несколько дней назад, свадьбу играть собираются.

— Это те двое, у одного из которых ноги больные?

— Именно, кто же еще. На пятнадцатое число назначили, ждать-то всего ничего, вот они сейчас и хлопочут.

— Что? И вправду они? Да это же самоубийство! В последние месяцы в городе что ни день, то беда: и невесты, и женихи умирают, превращаясь в кровавое месиво. А они всё равно решились!

— Говорят, изначально не планировали здесь, но у невесты здоровье совсем слабое, жить ей осталось недолго, а жених — человек помешанный, во что бы то ни стало хочет дать ей законное имя.

— Ну, тогда он и правда безумец. А невесте повезло встретить такого человека, жаль только, что век ее недолог.

— Раз жених так к ней привязан, значит, невеста — писаная красавица? Очень хочется взглянуть.

— Кто ж знает. Девушка хрупкая, всё в кресле сидит, мало кто ее видел. А вот жених — парень видный.

Те самые жених и невеста, что не боятся ни судьбы, ни бед, сейчас предавались любовным играм. Невеста, притворяясь застенчивой, пряталась в доме, а жених неотступно дежурил у порога.

— А-Сюэ, Сюэ-эр, красавица Сюэ, господин Сюэ, господин Хань, братец Сюэ, сестрица Сюэ, открой же дверь! Не прогоняй меня, мне ведь больно! — не унимался снаружи молодой человек, выкрикивая имена того, кто был внутри, совершенно не заботясь о том, насколько это звучало... тошнотворно.

Раздался звон разбитого фарфора.

Следом послышался голос, в котором сквозило подавленное бешенство:

— Вэньжэнь Син, еще слово — и я лишу тебя дара речи на всю жизнь! Проваливай внутрь!

Вэньжэнь Син, ничуть не обидевшись, с улыбкой шагнул в комнату.

Внутри царил полный хаос: мебель была сломана, повсюду валялись странные детали и груды книг. Одним словом — бардак. Вэньжэнь Сину даже встать было негде.

Человек в центре этого беспорядка выглядел под стать комнате. Серебристые волосы спутались, на них пятнами легла тушь, черная и белая. Черное одеяние с узором лотоса пошло складками, а уж откуда взялись дыры — и вовсе загадка. По сравнению с нищим он выглядел разве что чуть чище.

Вэньжэнь Син привык видеть его таким, но всё же не удержался от ворчания, пробираясь к нему:

— Цзян Есюэ, ну ты же взрослый человек! Увлёкся — дело понятное, но порядок-то можно навести? Если я случайно задену что-то, тебе же всё заново начинать.

Весь заросший щетиной старый нищий, сидя в кресле, потянулся с хриплым стоном:

— Если у тебя хватит способностей что-то сломать, у меня хватит способов превратить тебя в это самое нечто.

Вэньжэнь Син тут же сменил тон на подобострастный:

— Братец Сюэ, я же шучу! Не принимай близко к сердцу. Ты у нас величайший мастер артефактов, твои работы — лучшие в мире.

Цзян Есюэ не обрадовался, лишь помрачнел. Закрыв уставшие глаза, он бросил:

— Иди займись делом. Не мельтеши перед глазами, только раздражаешь.

Вэньжэнь Син, ничуть не боясь гнева этого переменчивого человека, подошел сзади и принялся разминать ему плечи:

— Братец Сюэ, я не со зла. Просто время на исходе, а в твоём спектакле не хватает главных героев.

Цзян Есюэ потер переносицу. Былая удаль и лоск исчезли, сменившись небрежностью, от которой недолго и отвращение вызвать. Но его задело не то, что сказал Вэньжэнь Син, а то, как он его назвал:

— Если еще жив, говори нормально. Еще раз услышу эти прозвища — и можешь вообще молчать, сэкономишь силы и будет тихо.

— Слушаюсь, слушаюсь, господин Хань, как скажете, — Вэньжэнь Син прикрыл рот рукой, изображая испуг, и тут же сменил тон.

Наступила ночь.

Пришло время обряда.

Ни родителей, ни гостей — лишь двое в свадебных нарядах в огромном зале, да мерцающие на ветру свечи с драконами и фениксами.

— Поклон Небу и Земле.

— Поклон родителям.

— Поклон друг другу.

— Обряд завершен.

Без свидетелей они сами произносили слова клятв, без гостей сами разливали вино.

Молодой человек в красных одеждах был прекрасен, но за радостью скрывалась глубокая печаль. Опустившись на колени перед невестой, он поставил кубок и с улыбкой приподнял ярко-красную фату.

Под фатой открылось лицо, подобное картине: тонкие брови, алые губы, благородные черты. Но даже слой румян не мог скрыть болезненной бледности, а в глазах, несмотря на свадебную радость, сквозила усталость.

— Мой А-Сюэ — самый прекрасный в мире, — тепло улыбнулся жених, не сводя с него глаз.

Невеста не ответила, лишь нежно улыбнулась. Тонкие пальцы коснулись лица жениха, а в алых глазах заблестели слезы, словно говоря: зачем ты это делаешь?

— Я обещал тебе, как я могу отступить? Отныне ты принадлежишь только мне, и никто не посмеет тебя обидеть, — жених, словно поняв без слов, улыбнулся в ответ, хотя веки его покраснели. — А-Сюэ, жизнь слишком коротка. Этот миг — всё, чего я желал. Не вини себя, это была наша общая мечта, мы не могли оставить ее неисполненной.

Он не успел договорить — слезы покатались из глаз.

На самом деле, гости были.

— Говорят, невеста — редкая красавица, способная погубить города и страны. А на деле — так себе, и в подметки не годится моей И-И.

В тени, скрытой от чужих глаз, стояли двое. Мужчина, холодный, как нефрит, и девушка, озорная и живая.

Мужчина был хорош собой, и невеста рядом с ним действительно казалась менее яркой, хотя слова девушки были преувеличением — каждый из них был по-своему примечателен.

Белоснежный господин не ответил, не сводя глаз с невесты.

Юэ Цижань, не глупая, конечно, заметила взгляд Мужун Чуи, но решила подразнить его:

— И-И, ты так засмотрелся, неужто приглянулась? Жаль только...

— А-Жань, не говори ерунды. Просто... мне кажется, здесь что-то не так, — перебил он ее.

Юэ Цижань хитро прищурилась:

— О? Правда? Но ты смотришь на нее совсем не так, как на других.

Мужун Чуи отвел взгляд и равнодушно произнес:

— Просто вспомнил старого знакомого.

— Знакомого? — оживилась Юэ Цижань. — Не знала, что есть такая девушка, которая может так на тебя повлиять. Может, познакомишь?

Мужун Чуи на мгновение замер. Увидев любопытство в глазах девушки, он помедлил, а потом ответил:

— Это не женщина. У нас с ним... старые счеты.

Счеты, дошедшие до смертельной вражды.

— Вот как! — Юэ Цижань вздохнула и снова посмотрела на новобрачных. — И-И, как думаешь, ждет ли нас то же самое? Любовь без взаимности, один уходит раньше, другой страдает всю жизнь?

Мужун Чуи покачал головой:

— Нет. Жизнь слишком коротка для таких страданий. Девушка А-Жань обязательно будет счастлива.

Юэ Цижань: ...

Она потеряла дар речи. Внутри она кричала: если не умеешь утешать, лучше молчи! Что значит жизнь коротка? Это он ей короткий век пророчит?!

Они перешептывались, не зная, что за ними наблюдают.

Здесь — свадьба, там — похороны.

А-Сюэ так и не успела испить свадебного вина, прежде чем навсегда покинуть жениха.

— Не плачь. Не жди меня, я не стою того. Твой суженый еще жив.

Это были последние слова А-Сюэ. Неясно, утешала ли она его или открыла свою главную тайну.

— А-Сюэ, не говори глупостей! Кто, если не ты, мой суженый? — жених рыдал, не желая верить, но А-Сюэ больше никогда ему не ответит. — А-Сюэ, не уходи! Как ты можешь оставить меня одного?

Жених в красном стоял на коленях перед остывающим телом, захлебываясь рыданиями.

Вдруг в зале появился красный туман, сгустившийся в фигуру невесты. Одежда та же, но от нее разило тошнотворным запахом крови.

Призрак в красном прошептал:

— Раз так не хочешь отпускать ее, отправляйся следом. Говорят, супруги — как птицы из одной стаи, разлетятся при первой беде, но я не верю. Раз жили вместе, в смерти не расстаться.

Она бормотала это, создавая в руке кровавый клинок, и шаг за шагом приближалась к жениху. Тот, казалось, был слишком убит горем, чтобы заметить опасность.

Но как только клинок занесся над его шеей, лицо жениха изменилось. Печаль исчезла, рука молниеносно метнула в призрака белый порошок, а сам он отпрыгнул в сторону.

— Братец Ханьи, спасай! — закричал он.

В тот же миг в зале появились две фигуры — в белом и красном.

Вэньжэнь Син остолбенел. Он протер глаза, не веря увиденному.

— Откуда они взялись? Неужели Сюэ-гэ нанял помощников? Не может быть!

— Ханьи-гэ, мой Сюэ-да-гэ, только не говори, что ты провалил план!

Пришли двое совершенно незнакомых ему людей, а его господин Ханьи, его братец Сюэ, с которым всё было оговорено, исчез без следа.

<http://bllate.org/book/22459/2362192>